

Анализ развития национальной инновационной системы и мер по его поддержке

В статье анализируются специфические причины, затрудняющие становление в России инновационного предпринимательства. Высказывается тезис об отсутствии последовательности в принимаемых государством мерах по созданию отдельных элементов инновационной инфраструктуры. Делается вывод, что важнейшей составной частью инновационной политики должна стать государственная поддержка НИОКР и инновационной деятельности на крупных фирмах — по причине сложившейся исторически ситуации значительно преобладания его доли в ВВП.

Ключевые слова: инновации, инновационное предпринимательство, предпринимательское мышление, инновационный менталитет, инновационная инфраструктура, технопарк, НИОКР.

О. В. Мотовилов,
д. э. н., профессор, кафедра экономики исследований и разработок, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

Инновационное предпринимательство невозможно отделить от предпринимательства вообще. Последнее представляет собой действия, приводящие к созданию нового бизнеса (обычно под эгидой специально созданной фирмы), направленные на получение прибыли, которые могут быть предприняты одним или несколькими лицами, причем как физическими, так и юридическими (хотя в традиционном понимании этого слова акцент все-таки ставится на индивидуальной активности людей). Особенность же инновационного предпринимательства заключается в том, что оно направлено на разработку и создание новшеств, т. е. новых продуктов (товаров и услуг), технологических процессов и др. А в силу этого оно изначально гораздо сложнее и рискованнее: одно дело — открыть новый магазинчик или кафе, а совсем другое — разработать новую технологию, оформить свою интеллектуальную собственность, суметь наладить производство, заинтересовать потребителей и т. д. Инноваторы должны быть не только предпринимателями, но и иметь особый склад ума, быть еще и изобретателями (далеко не всегда эти качества сочетаются в одном лице — отсюда значимость такого фактора, как сплоченная команда инновационного проекта).

Нельзя не признать, что низкий уровень развития инновационного предпринимательства в нашей стране во многом (но не только) объясняется проблемами становления предпринимательства в целом. Несмотря на то, что как социальное явление оно за последнюю четверть века прочно вошло в нашу жизнь, роль малого и — на следующем этапе своего развития — среднего

предпринимательства, как хорошо известно, во многих странах гораздо заметнее, чем у нас (очевидно, что это в полной мере относится и к инновационному предпринимательству). Одной из важнейших причин такого положения нам представляется то, что там изначально возникает и впоследствии выживает и развивается, в том числе, благодаря развитым формам государственной (и не только) поддержки, значительно больше малых фирм — так называемых стартапов — в силу более развитого инновационного менталитета населения, давно живущего в условиях экономической и политической свободы, имеющего более высокий уровень жизни и не обремененного патерналистскими настроениями. Качество жизненной среды в широком смысле слова и, как следствие, иная система ценностей и предпочтений, в значительной степени влияют на уровень предпринимательской активности населения, а в нашей стране слишком долго это влияние вообще было негативным.

Последствия этого наглядно подтверждают данные различных исследований состояния предпринимательства в разных странах. Весьма интересны в этой связи цифры, приводимые в Национальном отчете «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия-2012», подготовленном Высшей школой менеджмента СПбГУ. По результатам исследования в 2012 г. Россия занимает только 67-е место (среди 69 стран — участниц проекта) по количеству людей, вовлеченных в создание и управление новыми компаниями. 93% населения в нашей стране не только не вовлечены в предпринимательскую деятельность, но и вообще не рассматривают

для себя возможность создания бизнеса. Лишь каждый 23-й россиянин (это 4,3%) в трудоспособном возрасте является ранним предпринимателем (для сравнения: в странах БРИКС в него вовлечен каждый 8-й, а в странах Восточной Европы — каждый 11-й человек) Не приходится рассчитывать на значительный рост предпринимательского сектора и в ближайшие годы. Это объясняется тем, что только 3,8% россиян планируют открыть собственное дело в ближайшие три года (в странах БРИКС — около 21%, а в странах Восточной Европы — 24%) [1].

Таким образом, имеются серьезные проблемы уже на этапе зарождения малого бизнеса: дефицитом становятся инициативные, предприимчивые люди. И как тут не вспомнить несколько десятилетий прошлого века, когда эти качества в деловой сфере, мягко говоря, совсем не поощрялись, а также пресловутые 1990-е гг., когда в результате эмиграции наша страна потеряла, по скромным оценкам, сотни тысяч именно таких людей (причем, этот процесс отнюдь не прекратился)? И как не задаться риторическим, конечно, но принципиальным вопросом: а насколько пострадал от всего этого генофонд нации, породившей таких изобретателей, как В. К. Зворыкин, А. С. Попов, И. И. Сикорский, А. Н. Туполев и много-много других (хотя проблема с коммерциализацией изобретений в нашей стране существовала во все времена).

Не ставя перед собой задачи найти исчерпывающие решения, направленные на рост предпринимательской культуры в российском обществе, отметим весьма интересное наблюдение, зафиксированное в одном зарубежном исследовании. Оно свидетельствует о том, что включение соответствующей подготовки в учебную программу средней школы может содействовать предпринимательству. Результаты обследования Flash Eurobarometer свидетельствуют о том, что в Китае, Турции и США более двух третей респондентов указали, что полученное ими школьное образование способствовало развитию предпринимательского мышления. А в Норвегии и Португалии респондентов, которые считали, что учеба в школе подготовила их к предпринимательской деятельности, было даже больше, чем в США [2]. Это весьма важный факт, показывающий, когда должно начинаться бизнес-просвещение: как известно, именно в детском и подростковом возрасте закладываются базовые ценности, да и новые знания воспринимаются и усваиваются лучше.

В нашей же стране на фоне всех разговоров и дискуссий последних лет о необходимости и формах полового и религиозного воспитания в школе тема экономического образования затрагивается гораздо меньше. При этом вопрос о содержании такого образования весьма непросто; нам представляется, что с целью развития именно предпринимательского мышления был бы весьма полезен показ интересно поданных историй успеха — а может быть и неудач — как известных, так и неизвестных бизнесменов — тем более, что литературы на этот счет сейчас предостаточно. Еще один серьезный и неиспользуемый резерв — телевидение: красочно поданные (например, в стиле исторических циклов Л. Парфенова «Намедни. Наша эра» или «Российская

империя») фильмы о знаменитых отечественных и иностранных изобретателях и инноваторах, историях создания изменивших мир нововведений, ставших теперь предметами повседневного спроса, наверняка имели бы высокие рейтинги, и вместе с тем способствовали бы реализации просветительских и воспитательских целей телевидения в отличие от бесконечных передач типа «пусть говорят» или «ты не поверишь».

Осознание важной роли инновационного предпринимательства и необходимость комплексных мер по его поддержке и регулированию привели к появлению понятия «национальная инновационная система», которое стало весьма активно использоваться в последние годы в российской литературе [3–5]. Между тем сам термин возник уже весьма давно: основы концепции национальных инновационных систем начали разрабатываться еще в 1980-х гг. практически одновременно большой группой ученых разных стран: английским экономистом Кристофером Фрименом, шведом Бриком Лундваллом, профессором Колумбийского университета Ричардом Нельсоном [6–8]. А в начале «нулевых годов» о формировании национальной инновационной системы как важнейшей задаче экономической политики заговорили и на государственном уровне в России [9]. Вместе с тем в явной или неявной форме, но различные решения, по сути своей способствовавшие реализации этой задачи в нашей стране, начали приниматься еще в 1990-е гг. Естественно возникает закономерный вопрос о действенности этих мер: все-таки 20-летний период — весьма продолжительный срок, хотя необходимо учитывать, что характер задач, которые стояли в первую и вторую его половины, весьма различен. Так, если в 1990-х гг. речь шла преимущественно о выживании и сохранении научно-технической сферы, ее адаптации к условиям рыночной экономики, то в дальнейшем целью государственной политики был объявлен переход к инновационному пути развития (впоследствии терминологию несколько уточнили — в пользу «инновационной социально ориентированной модели развития» [10]).

С количественной точки зрения все вроде бы обстоит весьма неплохо — об этом свидетельствуют сотни созданных (главным образом, за счет государственной поддержки) объектов инновационной инфраструктуры. В «Стратегии инновационного развития России на период до 2020 г.» говорится о том, что к концу 2010 г. количество федеральных центров коллективного пользования научным оборудованием достигло 63 единиц, основано более 100 центров трансфера технологий, создано 34 инновационных бизнес-инкубатора, действует более 140 инновационно-технологических центров и технопарков, приняты меры государственной поддержки развития территорий с высоким научно-техническим потенциалом, включая наукограды, а также технико-внедренческие особые экономические зоны [10]; и это еще далеко не полный перечень. Вместе с тем анализ того, как все эти объекты развивались, и насколько долго к ним сохранялся интерес у властных структур, по инициативе которых они были созданы, показывает, что последовательности и системности в выстраивании инновационной системы часто недо-

ставало; в подтверждение сказанного приведем ряд примеров.

Одними из первых объектов инновационной инфраструктуры, которые начали создаваться в 1990-х гг. по инициативе «снизу» в различных регионах страны на основе зарубежного опыта, стали бизнес-инкубаторы и технопарки. Вскоре государственные органы попытались унифицировать эту практику, и в 1997 г. была принята Межведомственная программа развития единой инновационной инфраструктуры, главным элементом которой стали инновационно-технологические центры (ИТЦ), призванные специализироваться на коммерциализации разработок и информационном сервисе. В рамках программы они на конкурсной основе получали статус ИТЦ федерального значения и возможность последующей целевой поддержки. При этом первоначальная идея заключалась в том, что центры будут образовываться на базе промышленных компаний и обеспечивать связь малого бизнеса и промышленности. Именно такой подход был реализован в первом таком центре, который был открыт годом ранее на базе АО «Светлана» и по сути послужил моделью для новой структуры. Однако на деле все пошло не совсем так, и в принятом позже постановлении Росстата инновационно-технологический центр определялся, в частности, как организация, созданная на базе научной организации или ее опытного завода [11] (а не при действующей фирме); на практике же многие ИТЦ вообще образованы при вузах и отличить их от отечественных технопарков зачастую весьма непросто.

Что касается последних, то на смену начальному периоду их учреждения по инициативе заинтересованных научных и учебных организаций пришел черед их развития в рамках специально разработанной государственной программы «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» [12], согласно которой в 2006–2010 гг. их планировалось организовать в целом ряде субъектов РФ, причем основным источником формирования объектов их инфраструктуры (офисных зданий и производственных помещений, объектов инженерной, транспортной, жилой и социальной инфраструктуры) определялись бюджетные средства. Однако в большинстве регионов не только в первоначально установленные сроки, но и до настоящего времени, программа не реализована; причины разные: это и нецелевое расходование государственных средств, выделенных на строительство, и отсутствие четкого понимания того, что нужно сделать, и как это будет работать и др.

Примерно в это же время — в 2005 г. — принимается решение о создании четырех особых экономических технико-внедренческих зон, в которых фирмам-резидентам предоставляется ряд налоговых льгот. Зоны до сих пор не начали функционировать в полной мере, строительство их инфраструктур за бюджетные деньги не закончено (а частные инвестиции с целью финансирования создания их объектов и вообще не осуществлялись), есть проблемы и с выполнением установленных государством прогнозно-плановых показателей [13]. Нельзя не отметить и серьезной критики самой концепции создания зон, имеющейся

в экономической литературе [14], которая по сути и не обсуждалась научной общественностью.

Однако еще в 2010 г. принимается новое, знаковое, решение о создании Инновационного центра «Сколково» под Москвой (между тем две из четырех технико-внедренческих зон находятся как раз в Московском регионе, и именно у них, согласно приведенному выше «Отчету...», результаты деятельности хуже, чем у других). По поводу целесообразности его организации имеются разные мнения, но хочется подчеркнуть другое: то, что на протяжении длительного периода времени (причем, особенно активно в период сравнительно благоприятной экономической конъюнктуры и профицитного бюджета в середине т.н. нулевых годов) в России постоянно принимались меры по развитию тех или иных элементов инфраструктуры поддержки инноваций. Но насколько последовательны они были? Сейчас о технопарках в сфере высоких технологий или о технико-внедренческих зонах почти не говорят, зато внимание и значительные бюджетные вливания сконцентрированы на Сколково. Напрашивается логичный вывод о том, что в формировании национальной инновационной системы не видно как раз системного подхода; вместо того, чтобы скрупулезно изучать и анализировать, как выполняются ранее принятые многочисленные решения, и в чем причины торможения и неудач, выбираются новые объекты для государственного финансирования, для них создаются новые административные структуры и т. д.

При этом, несмотря на значительное число созданных объектов инновационной инфраструктуры, имеем тот случай, когда количество очень медленно переходит в качество — причем, это с точки зрения оптимиста. Пессимист же может найти много примеров отсутствия положительной динамики на пути превращения экономики нашей страны в инновационно ориентированную. Приведу некоторые из них:

- удельный вес предприятий промышленности, осуществлявших технологические инновации, в 2002 г. составлял 9,8% и согласно целевому значению, намеченному в «Стратегии развития науки и инноваций в РФ на период до 2015 года» в указанном году должен был составлять 20% [15]. Однако реальное значение этого показателя в 2012 г. составило 9,9% [16], зато целевой ориентир, намеченный в «Стратегии инновационного развития России на период до 2020 г.» стал более чем в 2 раза выше — 40–50% [10];
- удельный вес инновационной продукции в общем объеме продаж промышленной продукции на внутреннем рынке в 2002 г. составлял 4,1% и согласно целевому значению в 2015 г. должен был составлять 18%. В реальности же за 2012 г. Росстат показал лишь 7,8%, зато в «Стратегии... до 2020 г.» на данный год запланировано значение показателя в интервале 25–35%;
- доля внутренних затрат на исследования и разработки в валовом внутреннем продукте в 2002 г. составляла 1,25% и к 2015 г. должна была увеличиться вдвое. На практике в 2012 г. по данным Росстата оказалось всего 1,12%.

Приведенные цифры наглядно показывают, что само по себе создание различных объектов инновационной инфраструктуры, даже хорошо известных за рубежом и показавших высокую эффективность в разных странах мира, не очень-то приближает нас к инновационной модели развития. Одна из причин этого видится в том, что эти объекты ориентированы, главным образом, на поддержку начинающих бизнес компаний, роль которых в инновационном ландшафте страны пока невелика, и поэтому их возможности изменить модель нашей экономики незначительны. Да и сама сфера их деятельности часто весьма ограничена; это хорошо видно из результатов исследования отечественных стартапов, на основе которого из более чем 1700 проектов было отобрано 50: четырнадцать из них работают в области отдыха и развлечений, восемь оказывают потребительские услуги, одиннадцать занимаются программным обеспечением и «облачными сервисами», тринадцать создают инструменты для бизнеса, и только четыре заняты в сфере, определенной как «производство и инфраструктура», причем три из них — в категории «гаджеты» [17]. В принципе в таком распределении нет ничего необычного, поскольку и за рубежом чисто производственный вектор в деятельности малых фирм отнюдь не преобладает. Но это подтверждает ту мысль, что малые инновационные фирмы пока слабо могут помочь в достижении упомянутых выше целевых ориентиров, намеченных в Стратегии инновационного развития страны.

Эта задача должна решаться, в основном, силами крупного бизнеса, по причине сложившейся исторически ситуации значительного преобладания его доли в валовом внутреннем продукте нашей страны, которая гораздо выше, чем в экономиках других стран: более 83%, тогда как в США и Южной Корее — около 50%, в Японии — менее 50%, в КНР — менее 40%, в странах ЕС 30–50% [18]. Однако степень его инновативности остается крайне низкой. Одной из причин этого видится недостаточное финансирование отечественными фирмами исследований и разработок (собственных или контрактных), особенно в сравнении с зарубежными компаниями. Так, в среднем последние тратят на НИОКР от 2 до 3% годового дохода. У лидеров эти показатели еще выше: по данным Объединенного исследовательского центра ЕС, отношение затрат на НИОКР к выручке у 1400 крупнейших по размерам инвестиций в НИОКР компаний мира в 2009 г. составило 3,5%. Согласно исследованию рейтингового агентства «Эксперт РА», до кризиса объем расходов на НИОКР в выручке крупнейших российских компаний составлял около 0,5%, что в 4–6 раз ниже, чем у иностранных фирм. Лидерами по объему инвестиций в НИОКР в России выступают машиностроительные компании, но даже у них отношение затрат на НИОКР к выручке не превышает 2%. В менее технологичных секторах отставание еще больше. Например, отношение расходов ОАО «Северсталь» на НИОКР к выручке компании в 2009 г. составило 0,06%. В то же время аналогичный показатель ряда иностранных металлургических корпораций колебался от 0,6% до 2,5% [19]. Завершая количественные сравнения, приведем еще несколько впечатляющих цифр. В 2009 г. затраты всех российских

фирм на НИОКР составили \$800 млн. А только одна General Motors в том же году вложила в научные разработки и их внедрение \$8 млрд, т. е. в 10 раз больше [20]. В исследовании Международной консалтинговой компании Booz&Companу «Глобальные лидеры инноваций», представленном в 2013 г., в списке 1000 крупнейших инвесторов в инновации отмечена всего одна российская компания — Газпром, которая заняла 200-е место в мире [21].

Отечественные фирмы зачастую предпочитают покупать требующиеся новые технологии за рубежом (попутно обеспечивая и послепродажный сервис) вместо их самостоятельной разработки собственными силами или на контрактной основе с научной организацией. Причем, согласно данным Росстата за 2012 г. в структуре затрат на технологические инновации в промышленном производстве преобладает приобретение машин и оборудования (с долей 55,2%), а собственно на исследование и разработки приходится 20,4% [22].

Низкий уровень финансирования НИОКР российскими фирмами прямо связан с отмеченным выше недостижением целевых значений ключевых параметров инновационного развития. При этом нельзя не признать, что в последние годы был принят ряд весьма важных решений по государственному стимулированию инновационной активности бизнеса. Среди них можно отметить:

- возможность включать расходы на НИОКР (или отдельные этапы работ) в состав себестоимости (строго говоря — в состав расходов, связанных с производством и реализацией) в том же отчетном (налоговом) периоде, в котором они были завершены, причем независимо от того, были ли результаты НИОКР использованы в производстве (и независимо от того, были ли вообще получены положительные результаты);
- возможность включать расходы на НИОКР, относящиеся к перечню, установленному Правительством РФ, в состав прочих расходов в размере фактических затрат с коэффициентом 1,5 и целый ряд других мер.

Однако действенность этих мер пока остается слабой. Да и очень надеяться на них не стоит. Анализ зарубежного опыта показывает, что далеко не везде прибегают к косвенной государственной поддержке через налоговые льготы (например, не используют их в Германии, Швеции, Финляндии, Италии и ряде других стран) [23]. А там, где они все-таки применяются, гораздо более важным часто выступает прямое государственное финансирование НИОКР в бизнес-секторе, эффективно дополняющее возможности его самофинансирования.

Применительно к условиям и специфике экономического развития нашей страны важнейшей составляющей инновационной политики должна стать государственная поддержка НИОКР и инноваций крупных фирм (не только тех, в которых государство имеет значительное участие в капитале, но и частных). Тот акцент, который в последнее время делался на стимулировании инновационного предпринимательства в лице создаваемых малых фирм, безусловно полезен. Но для решения ключевых задач, намеченных

в «Стратегии инновационного развития России на период до 2020 г.», необходимо усиливать содействие инновационной деятельности именно крупных компаний, являющихся основой развития национальной экономики, а также серьезно улучшить общие условия хозяйствования. Все это должно повлечь за собой и увеличение спроса на инновации, в том числе предлагаемые малым бизнесом.

Список использованных источников

1. О. Р. Верховская, М. В. Дорохина. Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия-2012». ВШМ СПбГУ. http://www.gsom.spbu.ru/files/upload/research/gem/gem_full_13.pdf.
2. Кризис в сфере занятости молодежи: время действовать // Доклад Международной конференции труда, 101-я сессия, 2012. http://sartraccs.ru/Traffic/scien_rep/0043/wcms.pdf.
3. Национальная инновационная система и государственная инновационная политика Российской Федерации. Базовый доклад к обзору ОЭСР национальной инновационной системы РФ. М., 2009;
4. Национальная инновационная система: теоретическая концепция: метод. пособие. Новосибирск: НГУ, 2007.
5. Л. Э. Миндели, В. А. Васин. Совершенствование государственной научно-технической политики в процессе формирования национальной инновационной системы // Инновации, № 1, 2008.
6. C. Freeman. Technology Policy and Economic Performance. London: Pinter Publishers, 1987.
7. B. Lundvall. National systems of innovation: Towards a theory of innovation and interactive learning. London: Pinter Publishers, 1992.
8. R. Nelson. National innovation systems. Oxford University Press, 1993.
9. Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу: Письмо Президента РФ № Пр-576 от 30 марта 2002 г.
10. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р.
11. Указания по заполнению формы единовременного федерального статистического наблюдения № 2-наука (НТК) «Сведения об организации научно-технического комплекса». Утверждены Постановлением Росстата от 20 декабря 2007 г. № 104.
12. Программа утверждена Распоряжением Правительства РФ от 10 марта 2006 г. № 328-р.
13. «Отчет о результатах функционирования особых экономических зон за 2012 г. и за период с начала функционирования особых экономических зон». Министерство экономического развития РФ. 30.09.13. <http://www.economy.gov.ru/mines/activity/sections/sez/main>.
14. К. Лиукхто, В. Каартемо. Технично-внедренческие особые экономические зоны и перспективы модернизации России // Экономическая политика, № 5, 2010.
15. Стратегия развития науки и инноваций в РФ на период до 2015 г., утвержденная Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике Министерства образования и науки РФ (протокол от 15 февраля 2006 г. № 1).
16. Статистика инноваций в России. Федеральная служба государственной статистики. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/ind_2020/pril3.pdf.
17. Топ-50 российских венчурных стартапов // Журнал «Коммерсантъ. Секрет Фирмы», № 9, 3.09.2013. <http://www.kommersant.ru/doc/2266343>.
18. Сайт общероссийской общественной организации «Деловая Россия». <http://www.deloros.ru/main.php?mid=22&doc=19101>.
19. Инновационная активность крупного бизнеса. Исследование Рейтингового агентства «ЭКСПЕРТ РА»: <http://raexpert.ru/researches/expert-inno/part1>.
20. Л. Э. Миндели, С. И. Черных. Финансово-экономические аспекты инновационного развития // Инновации, № 9, 2011.
21. Ведомости. 24 октября 2013 г. № 197. <http://www.vedomosti.ru/career/news/17873641/innovatoram-stalokuchno#ixzz2ichMaaWt>.
22. Росстат: Статистика инноваций в России. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#.
23. Государственные инициативы в области инноваций. Исследование Рейтингового агентства «ЭКСПЕРТ РА». <http://raexpert.ru/researches/expert-inno/part2>.

Analysis of the development of the national innovation system and measures to support it

O. V. Motovilov, Doctor of Economics, Professor, School of Economics, Department of Economics of Research&Developments, Saint-Petersburg State University.

The article analyses the specific causes that hinder becoming in Russia of innovative entrepreneurship. The thesis is expressed about lack of consistency in the measures taken by the state to create the individual elements of innovation infrastructure. It is concluded that the most important part of the innovation policy must become public support for R & d and innovative activity in large firms because of the historically established situation of a significant predominance of its share in GDP.

Keywords: innovation, innovative entrepreneurship, entrepreneurial thinking, innovative mentality, innovation infrastructure, industrial park, research and development.